

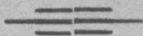
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

В
М 222

Д. Н. Мамин-Сибиряк.

ПЕРВАЯ ОХОТА.

РАССКАЗ.

Москва—1918 г.

V

1969

1969

36955

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

WY

№ 1272 ср 02731 сушкин тезисы

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

М 222

4

Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Первая охота.

РАССКАЗ.

3-е издание журнала «ЮНАЯ РОССИЯ».

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.

1918.

ИЗДАНИЕ И ПРОДАЖА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Литературно-художественный отдел

Б. М. О. Х. О. Р. Е. Д. У. Л.

36955

1957-68

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Типография **Т. Дортман**, Москва, Тверская, Газетный, 6

XII. 18. 5000. 3232.

Первая охота.

РАССКАЗ.

I.

Когда Павлик проснулся, его первой мыслью было: ружье. Дядя Антон давно обещал подарить ему ружье, а сегодня ему исполнилось ровно четырнадцать лет и... Павлик поднял голову и обомлел от радости: на стене надъ его кроватью висела новенькая бельгийская двустволка.

— Ружье... ура!.. Браво, дядюшка, дядюся, дядюнчик...

Павлик сделал по комнате несколько таких удивительных антраша, что позавидовал бы лю-

бой акробат. Но потом он во-время вспомнил, что он уже совсем большой, большой. С какой осторожностью Павлик снял ружье со стены, с каким вниманием осмотрел его и не только осмотрел, а даже понюхал и лизнул. Это скромное занятие было прервано осторожным голосом за дверью:

— Павлик, ты встал?

Это спрашивала сестра Таточка, очень милая девочка лет двенадцати. Павлик только теперь сообразил, что он не одет, и вместе с ружьем нырнул под одеяло.

— Я сейчас, Таточка...

У двери по-лышалось шушуканье, подавленный смех и топот детских ног. Очевидно, Таточка явилась не одна, а в сопровождении Кати, Нины, Лели и маленького Пети. Их влекло в комнату Павлика неудержимое детское любопытство, — все знали, что дядя Антон подарил ружье Павлику, и жаждали видеть опасный подарок.

Сегодня Павлик именинник, и ружье обещано давно.

— Павлик, одевайся поскорее... Мы пришли тебя поздравлять.

— И я поздравлять, — выделился голос Пети. — Сколее...

Такое назойливое любопытство несколько расхолодило именинника, и он спрятал ружье под диван. Эти глупые ребята еще изломают что-нибудь.

— Ну, что вам нужно? — довольно сурово спрашивал Павлик, когда оделся и привел постель в порядок.

Дети ввалились в комнату Павлика всей гурьбой и принялись его поздравлять — каждый по-своему. Таточка вышила ему погон для ружья, Катя и Ниночка преподнесли ему коллекцию жуч-

ков, которую собирали еще весной, а Леля и Петя представили целую картину, на которой Павлик шел с ружьем и собакой «Кармен». Картина в смысле искусства заставляла желать многого: но зато художники очень уж старались,—ружье вышло вдвое длиннее, чем ему полагается, одна нога у Павлика была короче, а другая точно вывихнута, «Кармен» походила на деревянную лошадку, в довершение всего по небу летел рябчик, напоминавший собаку. Впрочем, художники были настолько добросовестны, что не желали вводить именинника в заблуждение, и под каждой фигурой написали ее истинное значение. Даже нарисована была дробь с подписью: «дробь».

Павлик немного растерялся при виде этих знаков общего внимания и не знал, что ему отвечать.

— А лузье? где лузье?—приставал Петя.

— Никакого ружья нет,—с серьезным видом отвечал Павлик, трепеща за свое сокровище.

— Как нет, а под диваном?

Ружье открыла Леля, очень шустрая пятилетняя девочка. Скрываться далее уже не было никакой возможности. Павлик не выпускал из рук ружья все время, пока дети его осматривали.

— Я удивляюсь, что интересного в такой штуке девочкам,—заметил Павлик, с торжеством помещая ружье на стену.—Знали бы своих кукол...

Таточка обиделась, но вспомнила, что Павлик именинник, и простила ему. Ей самой понравилось это великодушие и она почувствовала себя опять очень счастливой. Все эти мальчишки ужасные грубияны...

На террасе, выходявшей в сад, все тоже ожидали появления Павлика—отец, мать и дядя Антон, капитан в отставке. Самовар уже был на столе,

и все было устроено по-праздничному. У террасы стоял без шапки садовник Африкан и смотрел на молодого барчука с таинственной улыбкой.

— Дядя, милый, спасибо!—благодарил Павлик, целуя бритое лицо капитана.—Ах, какое ружье...

— Смотри, учись стрелять хорошо,—наставительно заметил дядя.—Понимаешь? Тузом пик в пулю попадай, т.-е. наоборот...

— А мне так решительно не нравятся подобные подарки,—заметила мать, наливая Павлику стакан чая.—Для чего ружье? Можно было отлично обогатиться и без него...

— Пора ему быть мужчиной,—поддержал именинника отец.—Охота, это... это... Одним словом, укрепляет и делает мальчика мужественным... Закаляет так сказать... вообще приучает к опасностям... да. Не правда ли, Антон?

— Еще бы!... Какой же Павлик будет мужчиной если он не будет ходить на охоту? Это, брат, такая школа... да, школа...

— Очень жестокая школа,—поправила мать:—потому что приучает к жестоким удовольствиям...

— Позвольте, а прокалывать букашек булавкой не жестокое удовольствие?—сказал дядя Антон.—А удить рыбу? Наконец, если на то пошло, то и цветы рвать—тоже жестокость: может быть, они тоже чувствуют боль.

— Очень может быть,—согласилась мать.—Я даже где-то читала, что растения чувствуют боль, но не умеют выразить этого ни звуком, ни движением... Это ужасно, если только правда.

— Ха-ха... Действительно ужасно!—хохотал дядя.—Все это, матушка, только чувствительные слова. Сама же сегодня заказывала суп из говядины, потом я видел в кухне, что жарят рыбу к обеду.

— Да, но я не убивала быка для собственного удовольствия, не резала для этого же рыбу.

— Все равно, быка убьет мясник, а рыбу разрежет кухарка.

— Опять не для собственного удовольствия, а по необходимости и часто очень печальной...— Вот Павлик будет убивать беззащитную птичку только для удовольствия.

— Мама, а Нимврод тоже ведь был охотник?— вставил свое слово Павлик.— Потом Исав жил ловитвой, т.-е. охотой.

— И наши великие писатели тоже были охотниками: Тургенев, Толстой, Аксаков,—прибавил дядя.—А уж они-то, кажется, понимали побольше нашего.

— Господа, прекратимте лучше наш спор,— предлагала мать.— Все равно, мы не убедим друг друга... Пусть всякий остается при своем.

Отец во время этого спора молчал. Он вообще, терпеть не мог споров и теперь был доволен, что дядя Антон успокоился.

Семья Гавриловых каждое лето уезжала из Петербурга на дачу в Новгородскую губернию, а потом купила там небольшой клочек земли и выстроила летний домик. Иметь свой уголок было заветной мечтой, и дети целую зиму думали о том, как они будут жить у себя в деревне. Именьице было крошечное и только еще устраивалось. Даже не было сада, как это бывает на дачах, а садовник Африкан назывался садовником по недоразумению,—он был и дворником, и кучером, и кухонным мужиком, и посыльным—решительно всем, кроме садовника. У Гавриловых была своя лошадка, на которой отец каждый день ездил на станцию железной дороги,—ему приходилось бывать в Петербурге на службе

каждый день, а отдыхать только по праздникам, как сегодня. Семья жила дружно, и лето в своем имении являлось и лекарством от петербургской зимы, и величайшим удовольствием. Дядя Антон тоже приезжал погостить и отдохнуть. Как все старые холостяки, он был большой ворчун и любил поспорить, хотя всегда отличался самой широкой добротой. Дети это чувствовали и одолевали его всевозможными просьбами. Дядя Антон должен был знать решительно все на свете, рисовать, строить игрушечные мельницы, высушивать цветы, кричать по-индюшечьи, изображать медведя, танцевать, играть на гармонике и т. д. И дядя все исполнял включительно до того, что даже пришивал пуговицы к детским костюмам. Ведь эти пуговицы имели странную привычку отпадать сами собой и теряться, а мама всегда сердилась, если это случалось. Дядя же привозил игрушки и потом должен был их починивать, что было еще труднее, чем пришить какую-нибудь пуговицу. Вообще, дядя Антон был самый необходимый человек в доме, которого можно было тормозить, надоедать по целым дням и всячески изводить. Дети не могли даже себе представить, как другие живут без дяди Антона.

II.

Несколько дней ушло у Павлика на самые серьезные приготовления к охоте, причем все это содержалось в самой строгой тайне. Главным советником являлся дядя Антон, как всезнающий человек. Он научал, как снаряжать патроны, как нести ружье по болоту, в лесу, прочитал целую лекцию о разных номерах дробы и дал тысячу

советов „старшего опытного охотника“, причем даже прополз на животе по полу, показывая наглядно, как нужно подкрадываться к уткам.

— Утка, брат, птица хитрая,—сообщал дядя Антон по секрету.—Она, брат, кого угодно обманет... В другой раз ползешь-ползешь за ней, сажень сто ползешь по болоту, подполз, а она брат, уплыла к другому месту, точно вот в глаза насмеяется над тобой. Самая продувная бестия...

— Дядя, а отчего ты не хочешь идти со мной? —приставал Павлик.

— Я-то? Гм... Ревматизм у меня, Павлик, да и отвык, признаться сказать. Ступай с Африканом да с „Кармен“,—все будет хорошо.

Старая лягавая сука Кармен вполне сочувствовала этим приготовлениям и слабо взвизгивала, когда Павлик брал ружье в руки и делал вид, что прицеливается в невидимую дичь. Она тоже волновалась, отдаваясь своему охотничьему инстинкту, и сторожила Павлика, чтобы он не ушел на охоту один.

Капитан и Павлик спали в одной комнате, поэтому никто не мог знать, что они делали после ужина и о чем говорили. Таточка начинала ревновать Павлика к дяде, потому что, очевидно, они оба что-то скрывали от нее, считая ее недостойной принимать какое-нибудь участие в приготовлениях к первой охоте Павлика. Между тем она чувствовала, что могла бы отлично мерять порох и дробь такой хорошенькой металлической меркой, и, наконец, она совсем не разделяла мнений мамы относительно охоты. По мнению Таточки, охота уже потому хорошая вещь, что охотничьи костюмы так идут к мужчинам. Она сама видела несколько охотников в серых куртках с зелеными отворотами, в высоких сапогах и в каких-то мудреных

шапках. У Павлика, конечно, не было настоящего охотничьего костюма, но это еще не значило, что он не мог его иметь. А как хорошо придти в таком костюме в фотографию и сняться... Отчего не принято, чтобы женщины ходили на охоту? Дядя, впрочем, рассказывал, что во Франции дамы охотятся за лягушками... Фи! какая гадость...

Дядя Антон сам выбрал день, когда отправляться на охоту. Он накануне внимательно наблюдал состояние неба и решил, что все обстоит благополучно. Африкану был отдан приказ быть готовым и чтобы он спал на террасе.

— Ну, утро вечера мудренее,—торжественно сказал дядя, укладываясь спать.—Нужно, брат, по-суворовски спать: кулак под голову... Так-то!..

Ранним летним утром Павлик был разбужен.

Ему ужасно хотелось спать. Он засыпал два раза, натягивая охотничьи сапоги. Но дядя был неумолим.

— Павлик, не будь бабой. По-суворовски, брат... Ну, живо повертывайся. Раз, два, три—марш...

Солнце еще не поднималось, а только на востоке белела желтоватая полоска предутренней зари. Кругом стоял какой-то неприятный серый полумрак. Африкан спал самым безсовестным образом, и Павлику пришлось идти его будить.

— В этом негодяе нет никакой охотничьей жилки,—ворчал дядя Антон, закутываясь в одеяло до самого подбородка.—Нужно по-суворовски: раз! два! три! а он спит...

Сонная „Кармен“ отправилась вместе с Павликом и все время отчаянно зевала. После теплой комнаты на дворе было так холодно и потом роса. Старушка отвыкла от охотничьих походов и поджимала хвост, жалобно моргая слезившимися глазами. Зато Павлик почувствовал себя на све-

жем воздухе таким бодрым, — совсем Суворов. Африкан вскочил, как встрепанный, и молча принялся одеваться.

— Скорее, пожалуйста... — торопил его Павлик, сгорая от нетерпения.

— Успеется, Павел Иванович...

Африкан еще в первый раз назвал Павлика полным именем, и это польстило молодому человеку. Да, Павлик остался в своей детской, а Павел Иванович идет на охоту, с собственным ружьем, собственной собакой и собственным садовником, т.-е. „спутником по охоте,“ как пишут охотники. Когда Павлик вернулся в комнату, дядя спал самым бессовестным образом.

— Дядя, ты это что же?.. Сам говоришь: „по-суворовски“...

— А? что?.. Да я и не думал спать... Я, брат, думал... того... Африкан, ты того... понимаешь?

— Слушаю-с, Антон Савельич...

— Значит, понимаешь? Ежели там поп встретится... Конечно, это глупый предразсудок, Павлик, а все таки оно того...

— Вот тоже, ежели баба дорогу перейдет... — авторитетным тоном поддержал Африкан. — В лучшем виде, Антон Савельич... Не беспокойтесь, знаем порядок.

— А главное, по-суворовски... р-раз... два-а... три-и!..

Дядя по суворовски перевернулся на другой бок и заснул. Павлику показалось, что он даже улыбается. Хитрец! — другим советует суворовские приемы, а сам спит бессовестным образом. Павлик сразу как-то потерял всю свою бодрость и чувствовал, как от зевоты у него сводит челюсти. Явилась даже преступная мысль: а что, если взять да по-суворовски завалиться спать, как сделал

милейший дядюшка? Впрочем, к чести нашего героя мы должны сказать, что это была минутная слабость.

— Ну, Африкан, вперед! — проговорил он довольно суровым голосом. — „Кармен“, марш... Дядюшка, покойной ночи!

— А?... что?... по-суворов... суворовски... — повторял старик впросоньи.

Но главная неприятность ожидала впереди. Когда охотники вышли на двор, наверху хлопнуло окно, и показалась голова Таточки.

— Счастливого пути, Павлик! — крикнула она. — Я вас все-таки укараулила..

— Не оглядывайтесь, Павел Иванович, — шептал Африкан, прибавляя шаг. — Ох, не хорошо это, Павел Иванович... Антон-то Савельич еще давеча говорил...

— Павлик, Павлик... до свиданья! — кричала Таточка, огорченная тем, что Павлик даже не оглянулся.

Африкан шагал за Павликом и время от времени встряхивал головой. „Ведь вот какая шустрая барышня: все дело испортила... Надо же было такую рань подняться! А теперь вот изволь, поищи уток... Барышня-то отличная, а примета нехорошая“.

III.

Какая мучительная вещь ожидание. Это испытала сегодня Таточка. Она так и не могла заснуть, проводив Павлика на охоту.

— Вот это хорошо, что ты рано встаешь, — похвалила мать. — Нужно себя приучать к этому, а то дети привыкают валяться в постели, что и есть и очень вредно.

Таточка получила незаслуженную похвалу с опущенными глазами. (на поднялась раньше из любопытства и зависти, а сейчас ее начинала раздражать злость. В самом деле, Павлик теперь гаслаждался охотой, а она должна сидеть дома. Как неприятно быть девочкой... Так как главным виновником всего был дядя Антон, то мсть Таточки и обрушилась всею тяжестью на него. Она подошла к его комнате и осторожно постучала.

— Кто там?—отозвался сонный голос.

— Это я, дядя...

— Что тебе нужно?

— Вставай скорее; мне нужно тебе что-то сказать.

— Скорее?.. Аг-у-гм... Я только одну минутку, Тата...

— Никак нельзя, дядя...

Старику ужасно хотелось спать, но Таточка была неумолима. Она будила его раз пять.

— Ну, что тебе, коза?—спрашивал он, показываясь в дверях.

— Я пришла тебе сказать, дядя, что пора вставать... Это вредно валяться так долго в постели и нужно приучать себя...

— К чему приучать? Ах ты, коза...

— А это уж мама знает... Я забыла.

За чаем девочка все время вертелась около дяди и повторяла:

— Дядя, а Павлик скоро вернется?

— Гм... Смотря по обстоятельствам, — уклончиво отвечал старик и принимал озабоченный вид...—Видишь ли, это зависит от счастья. Иногда проходишь целый день и вернешься с пустыми руками... да. А в другой раз повезет такое счастье, что едва дотащишь набитую дичь. Я прежде не-

душно стрелял и не могу пожаловаться на счастье...

Слушая этот разговор, мать улыбнулась.

— Мама, ты чему смеешься? — удивилась Таточка.

— Охотники, деточка, любят немного прибавить, и твой, счастливый на охоте, глядя тоже... Купит у какого-нибудь мужика утку или тетерьку и говорит, что сам убил.

— Дядя, неужели?..

— Никогда этого не бывало! — оправдывался старик. — Твоя мать, Тата, сама прибавляет... Действительно, другие охотники иногда делают так, но только не я. Да... Я сам мог бы продавать дичь другим, а не то что покупать.

Этого было достаточно, чтобы Таточка устроила целый ряд неприятностей „старому опытному охотнику“.

— Ах, дядя, как, я думаю, тебе было совестно обманывать других, — жалела Таточка, едва сдерживая смех. — Мама говорит, что это очень, очень не хорошо... да.

— Твоя мама ничего не понимает!.. гм... да... т.-е., я хочу сказать, что она ничего не понимает в охоте. Не бабье это дело!..

— А мама говорит, что все охотники лгуны — это тоже неправда?

— Убирайся..

„Старый опытный охотник“ начинал сердиться, и это еще больше подстрекало изобретательность Таточки. Кончилось тем, что приковылял карпузик Петя и заявил:

— Дядя, дай селебляной длоби..

— Какой серебряной дробь? Ага... Это тебя научили, дурачка.

Таточка нашла даже картинку, на которой был нарисован молодой человек с ружьем, покупающий у мужика дичь. Под картинкой написана: «Дичь, убитая серебряной дробью». Конечно, это картинка в виде сюрприза была прищиплена булавкой над кроватью Павлика, где у него должно было висеть ружье. Таточка от восторга даже прыгала на одной ножке.

К завтраку охотники не вернулись, и мать начала тревожиться. Мало ли что может случиться на этой дурацкой охоте. Она даже припомнила, что еще недавно читала в какой-то газете про один несчастный случай. Вот так же двое охотников отправились на охоту, потом их ждали дома, потом привозят одного охотника смертельно раненым. Прекрасное удовольствие, нечего сказать.

Чем ближе время подвигалось к обеду, тем сильнее волновалась мамаша. Дядя Антон выслушал уже несколько колких замечаний, направленных по его адресу, и начинал тоже сердиться. В самом деле, это проклятое ружье может отравить жизнь кому угодно. Сунуло его сделать такой подарок.

Таточка тоже измучилась ожиданием и постоянно выбегала посмотреть на дорогу, не идут ли охотники. Теперь у нея явилась слабая надежда, что Павлик никого не убьет, и она будет его дрязнить.

Приехал отец со службы, на террасе накрыли обеденный стол, а охотников все не было.

— Вот порадуйся, — корила мать дядю Автона. — Из-за тебя вся семья тревожится. Я еще недавно читала в газете, вот именно про такой же случай... Ждали, ждали, сели обедать...

— В самом деле, семеро одного не ждут, — заявил решительно отец, — придут... А я проголо-

дался. Ты, Антон, действительно, того, удружил нам...

— При чем же тут я?—обижался дядя Антон.— Я еще с тобой советовался, и ты сам одобрил...

— Африкан такой глупый, — вслух думала мать.—Еще заведет куда-нибудь в лес, и не выйдут... Могут утонуть, наконец. Ведь утки плавают на воде...

В самый критический момент, когда все готовы были поссориться, на дороге показались охотники, и Павлик издали показывал убитую утку, которая распустила крылья, как тряпки. Это вызвало общий крик восторга.

Дядя Антон сразу ожил и крикнул:

— Браво, Павлик! Урра!..

Павлик страшно устал, до того устал, что даже не мог радоваться. За него рассказывал Африкан.

— Нам «Кармен» целый утиный выводок на осоки выгнала... Ка-ак Павел Иваныч пальнут... т.-е. они сперва мимо попали. Утята-то большие и все попрятались... А потом...

— «Кармен» молодец, только скоро устает,— перебил его Павлик.

— Ты у меня молодец,—говорил дядя Антон, целуя счастливого охотника.— По-охотничьи это называется с полем... Да-а... Мы с тобой, брат, по-суворовски: рраз, и готово... Хе-хе... Ты у меня настоящий мужчина... Молодец!..

Дети обступили убитую утку и спорили. Петя удивлялся, что она такая большая, а другие уверяли, что, наоборот, она совсем маленькая. Таточка заметила под крылом свежую кровь и брезгливо отвернулась. Отец тоже принимал участие в этом осмотре и, покачав головой, заметил:

— Ах, Павлик... Ведь это самка.

— Да, т.-е. я еще не рассмотрел хорошенько, — виновато ответил Павлик. — У шилохвосток трудно различить утку от селезня...

Мать сразу сообразила, в чем дело.

— Ты убил мать этих несчастных утят, Павлик? И тебе не жаль?.. Бедные утята остались сиротами для твоего удовольствия... Знаешь, сколько стоит такая утка? — тридцать копеек. И я с удовольствием заплатила бы тебе эти деньги, только не отнимай мать у детей. Куда они теперь?

— Их положение... того... некрасивое, — объяснил отец. — Без матки им всем капут. Ведь они еще и прятаться хорошенько не умеют, а тут ястреба сторожат, — всех до одного переловят... Не правда ли, Антон?

— Да оно, конечно... того... хотя... вообще, — бормотал дядя Антон и прибавил совсем другим тоном: — Африкан, снеси сейчас же утку в ледник, а то она испортится.

— Дядя, дядя, а это что у ней на шее? — спрашивала Таточка, не давая утку Африкану. — Вся шея точно разорвана... Вот посмотри..

— А это, вероятно, «Кармен» ее немного помяла... Кстати, где у нас «Кармен»?

„Кармен“ едва доплелась до кухни и лежала в тени, высунув язык. С непривычки, от старости и жары она устала до невозможности.

IV.

Тревожный день, наконец, кончился. Павлик отправился спать раньше обыкновенного, потому что чувствовал страшную усталость, хотя и старался это скрыть. Когда он прощался с Таточкой, она с укоризной заметила ему:

— Что-то теперь делают бедные утята без матери?..

— Не твое дело,—вспылил Павлик.—Надоела!.. Повторяешь, как попугай, что говорят большие. А ты придумай что-нибудь сама...

— Нечего и придумывать... Если бы кто-нибудь застрелил нашу маму, куда бы мы все девались?

— Будет... С бабами говорить, только время напрасно терять.

Павлик был груб. Он злился. Он чувствовал что-то такое неприятное, точно горький осадок на душе. Павлик был несправедлив. Зачем он так грубо отвечал Таточке, которую очень любил? Потом у него появлялось мучительное сознание какой-то виновности. Особенно его смущали замечания матери.. Да, охота вещь хорошая, но с другой стороны все-таки это очень жестокое удовольствие. Хорошо еще, что мама не знала всех обстоятельств этой первой охоты.

— Да, история,—повторил несколько раз Павлик, укладываясь на свою постель.—Если бы я не был именинник, дядя не подарил бы мне ружья, а если бы у меня не было ружья—эта несчастная утка преспокойно плавала бы и сейчас. Утки кормятся по ночам... Да, история!..—Павлик быстро заснул, не дождавшись дяди, который по вечерам любил посидеть на террасе и поспорить с отцом о политике.

Павлик видел страшный сон. Во-первых, он видел, что он утка и даже не утка, а дикий утенок. Его это несколько не удивляло, потому что и другие все были тоже утками—папа, мама, дядя Антон, а Таточка, Катя, Нина, Леля, и Петя такими же дикими утками, как и он, Павлик. Это превращение Павлик заметил только тогда, когда

дядя Антон крикнул—именно крикнул, а не проговорил.

— Берегись: собака!..

Павлику сделалось страшно. Испугались и все другие. Действительно, слышно было бултыханье собачьих ног в осоке и характерное фуканье носом, как делала Кармен. Павлик узнал ее, Кармен, и еще больше испугался... Какая она была страшная! Какие страшные глаза... Потом все утята собрались около матери, потом они все вместе выплыли на открытое место, но в этот момент грянул выстрел, и Павлик в ужасе вскрикнул... вскрикнул и проснулся.

— Ты это что, брат?—удивился дядя Антон, только что, вернувшись с террасы и начинавший раздеваться.—при последней операции, особенно когда снимал сапоги, дядя имел привычку кричать.

— Я? Ах, какой глупый сон...

Павлик сел на кровати и был ужасно рад, что из дикого утенка опять превратился в человека. Все-таки, он весь дрожал и не мог подавить в себе остатка панического страха.

— Да что с тобой, Павлик?

— Дядя, ты сейчас крикал, т. е. крихтел?

— Доживи до моих лет, тогда еще и не так закрихтишь... Проклятый левый сапог жмет, а у меня как раз на левой ноге самая любимая мозоль. Вот что, Павлик, а ведь ты мне еще ничего не рассказал про охоту. Конечно, при бабах рассказывать такие вещи не стоит... Все равно не поймут. Ну, так как было?

Павлик смущенно молчал, а потом с детской откровенностью ответил:

— Что тут рассказывать: скверно.

— Вот тебе раз... Промахнулся?

— Хуже...

Павлик перешел на кровать к дяде и принялся рассказывать.

— Видишь ли, дядя... я не знаю... Мне кажется, что из меня никогда не выйдет настоящего охотника, какие описываются у Майн-Рида, Эмара и Купера. Да...

— Вот тебе раз! Почему?

— Очень просто: мне совестно... В самом деле, для чего я убил эту несчастную утку? Меня это мучит... Я и сон такой видел... да... Видишь ли, как было дело. В лесу мы ходили часов пять и ничего не нашли. Я убил одного дятла, да и того бросил. Совестно было нести домой. Для чего я, в самом деле, убил его?.. Так, хотелось попробовать ружье. Потом мы вышли к небольшому озеру, и Кармен выгнала целый утиный выводок... Я стою и вижу, — впереди плывет утка, а за ней штук десять утят. Я погорячился и плохо прицелился, — первым выстрелом никого не убил. Африкан даже рассердился и обругал меня, а потом говорит: „все равно, некуда им деваться, — не уйдут от нас. Вы стойте на бережку, а я с собакой пойдем выгонять утят из осоки... Главное, бейте матку. Павел Иванович!“ Хорошо, я стою с ружьем, трясет меня... Смотрю, а утка опять выплывает на озеро, только уже одна. Я выстрелил в нее и опять мимо... Африкан опять обругал меня и кричит: „Эх, Павел Иванович, обвысили... Цельте под утку!“ А утка точно на зло не летит, а на одном месте вертится, прямо под выстрел... Ну, я ее в третий-то раз и убил, т.-е. даже не убил, а только подстрелил. Она перевернулась, а потом как-то боком боком поплыла в осоку, а там ее уж Кармен схватила и живую подала мне. Бьется она у меня в руках, кровь из нея сочится, а я не знаю, что

делать... Прибежал на выручку Африкан, выхватил ее у меня из рук и зубами ей шею перекусил. Ах, какая гадость, дядя... И лицо у него было такое ужасное!..

— Ну, а потом?

— Потом Африкан стал говорить, что мы теперь в ех утят передущим... так и говорит: передущим. Но я больше не мог... Африкан всю дорогу ворчал на меня.

Дядя Антон внимательно выслушал охотника, покачал головой и презрительно решил:

— Ничего из тебя не выйдет, Павлик... Значит, нет в тебе настоящей охотничьей жилки. Одним словом: баба..

— И Африкан тоже говорит...

Дядя Антон разсердился. А Павлик был счастлив, что он не имеет какой-то охотничьей жилки. Да и Бог с ней совсем...

Эта первая охота навсегда запала в душу Павлика, как яркое доказательство того, сколько в человеке кроется совершенно ненужной жестокости. Он никогда больше не брал ружья в руки.

Книгоиздательство **Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.**

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

КНИГИ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ:

Книга для церковнославянского чтения. Часть 2-я. 10-е издание. Ц. 30 к.

Как жить по слову Божию. Русский сборник статей и изречений, содержащих в себе нравственное учение из книг Ветхого и Нового Заветов. Изд. 5-е.

Элементарный курс грамматики для городских и двухклассных школ. Изд. 86-е. Ц. 70 к.

Начатки географии для нач. школ. Изд. 10-е. Ц. 35 к.

Из истории родной земли. Очерки и рассказы для школ и народа. Ч. 1-я—Древняя Россия. Издание 11-е. Ч. 2-я—Новая Россия. Изд. 12-е.

Д. И. ТИХОМИРОВ.—Два малых слова о Великом. (Л. Н. Толстой). Ц. 10 к.

— Накануне свободы просвещенной. Ц. 10 к.

— Современные задачи начальной школы. Ц. 10 к.

— Переоценка ценностей. Уроки войны русскому педагогу. Ц. 20 к.

ТЭН БРИНК. Лекции о Шекспире. Перевод И. Городецкого. Ц. 60 к.

УЭЛЬС, Г. Игры на полу. Пер. Э. Вульфсон.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. 18.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

МАМИН-СИБИРЯК, Д. Н. Волшебник.

- Кукольный магазин. Расск. С рис. 2-е изд.
 - Елка. 2-е изд.
 - Живая вода. Рассказ. С рисунками.
 - Неудача. Очерк.
 - Зеленая война. Сказка.
 - Жид. Рассказ.
 - Первая охота. Рассказ.
 - „Он“.
 - На линии. Рассказ. С рисунками.
 - Зеленые горы.
 - История одного пильщика. Рассказ.
 - Красное яичко.
 - Фунтик.
 - Конь-Разбойник.
 - Совка.
 - Горой.
 - Бука.
 - На огонек.
 - У святых могилок.
 - Постойко. Рассказ 6-е изд.
 - Старый воробей. 5-е изд.
 - Золотой брат.
-

10 u - 1000 mm

2 * НОЯ 1942